Антропологические аспекты проблемы подготовки кадров для VI техноуклада в контексте идей постгуманизма

НОВОПАШИН
Сергей Александрович,
аспирант Сургутского государственного университета,
эксперт Фонда развития гражданского общества,
Екатеринбург

Аннотация

В статье проводится анализ антропологической проблемы подготовки кадров для VI техноуклада в контексте идей постгуманизма. Автор отмечает, что «новая онтология» постчеловека рассматривает Homo sapiens лишь как преодолеваемый этап в кардинально иной, «постчеловеческой», эволюции, при этом экзистенциальные основания человека элиминируются из мировоззренческой картины. На самом деле экзистенциальная исполненность человека зависит от того, насколько его решения и действия соответствуют его внутренней сущности, представлениям о гармоничной жизни. Делается вывод о том, что VI техноуклад требует новых «интегральных кадров», отличающихся экзистенциальной исполненностью и конкурентоспособностью «транс-, пост-, сверхчеловеку», предлагаемому трансгуманизмом.

Ключевые слова:

антропология, подготовка кадров, VI техноуклад, постгуманизм, постчеловек, нетократия, экзистенция, экзистенциальный анализ, рефлексивное управление, психоинжиниринг

Анализ современных концепций транс- и постгуманизма, а также собственно феномена постчеловека как ядра данных концепций указывает на прогнозируемую неизбежность появления «*того-кто-идет-за-человеком*», предстающего в образах-понятиях *метагома*, *Posthuman,* etc. [2, с. 9–14]. Это побуждает нас экспертно рассмотреть антропологическую проблему подготовки кадров для VI техноуклада через призму «греческого парадокса» и гесиодовской теогонии и увидеть, что в рассуждениях современных апологетов трансгуманизма экзистенциальные основания человека элиминируются, «вымываются» из мировоззренческой картины [там же, с. 10].

Соответственно в «новой онтологии постчеловека» Homo sapiens рассматривается уже не как вершина эволюции, но лишь как преодолеваемый этап в кардинально иной, «постчеловеческой», эволюции.

С одной стороны, это вполне в русле понимания Гесиодом нерекурсивности процесса теогонии и хомогонии. С другой стороны, современная экстропианская модель постчеловека и даже «сверхчеловека» (Overhuman) в трактовке М. Мора [17, с. 1–4], завязанная на идее технологической сингулярности В. Винджа, имеет мало шансов на воплощение, на что, в частности, указал физик, социолог и футуролог С. Б. Переслегин [14]. Тем не менее она будет активно и агрессивно продвигаться как «единственно верное учение», что уже происходит. При этом человек как личность, как субъект, как вид, обладающий монополией на разум, согласно логике трансгуманизма, вынужден будет уйти со сцены, как это произошло, согласно Гесиоду [3, с. 31–50], с титанами и олимпийцами, уступив ее новому актору бытия, бессмертному или почти бессмертному — в мечтах экстропианцев — постчеловеку.

Но даже без учета «ангажированности» экстропианской модели «нового человека» интересантами — транснациональными корпорациями — человеку как существу экзистенциальному творцы «дивного нового мира» не оставляют шансов. Его удел — стать Homo officialis, «человеком служебным» [1, с. 381], «человеком-функцией», «человеком-болванкой».

Новопашин С. А. Антропологические аспекты проблемы подготовки кадров для VI техноуклада в контексте идей постгуманизма // Профессиональное образование и рынок труда. — 2020. — № 4. — С. 114–119. — DOI 10.24411/2307-4264-2020-10414.

Между тем воплощение новых технологий порождает у ряда экспертов опасения в разрушении «цельного образования» в угоду запросам рынка и формировании специфического набора новых узконаправленных навыков, которые в большей степени нацелены на умение адаптироваться к смене форматов жизни и работы. Это можно оценивать как полезное качество, но лишь в том случае, если речь идет о человеке, уже имеющем сформированную ценностно-культурную матрицу — «культурный код», тогда как для «человека служебного» подобные качества становятся лишь основанием для его тотальной эксплуатации.

Главная опасность заключается в том, что в преддверии прихода «постчеловека», и даже перед лицом гипотетического метагома (людена), о появлении которого пророчествовали братья Стругацкие, человек рискует потерять собственную экзистенциальную исполненность (existential fulfillment) — свое, по Аристотелю, «счастье через достоинство» [10, с. 141], свое чувство согласия с важнейшими аспектами бытия. Экзистенциальная исполненность человека зависит от того, насколько его решения и действия соответствуют его внутренней сущности, его представлениям о гармоничной жизни [16, с. 2]. Отметим, что тест «Шкалы экзистенции», разработанный специалистами по экзистенциальному анализу, психологами А. Лэнгле и К. Орглер, позволяет измерять экзистенциальную исполненность (наполненность) через анализ субъективных ощущений тестируемого.

Естественным стремлением человека перед лицом угрозы его существования — и как вида, и как индивидуума, — даже если эта угроза проявляется лишь как смутное ощущение тревоги будущего, становятся попытки «выровнять шансы» с неожиданно явившимся конкурентом, а в предельном сценарии — устранить его. Оба сценария прослеживаются в повестях Б. Н. и А. Н. Стругацких «Жук в муравейнике» (1979) и «Волны гасят ветер» (1985–1986), и в данном случае не столь существенно, как именно решали эту проблему герои художественных произведений, важно то, что эта проблема была поставлена полвека назад, а в произведениях Станислава Лема — и того раньше.

Актуальный человек с необходимостью должен (или, если обострить ситуацию, «обречен») формировать у себя навыки будущего. Тем самым он восстанавливает экзистенциальный разрыв между тем, *как* живет человек, и тем, как, он полагает, следует жить, но также и тем, *как следует* жить в условиях жесткого давления — ограничений, контроля, «запрета на образование» и других мер, которые *как бы вдруг* проявились в 2020 году. Но главным вызовом уже сегодняшнего момента становится, как было отмечено ранее, ожидаемое и обещанное транс- и постгуманистами «преодоление человека». И пока одни представители вида Homo sapiens стремятся апгрейдить свой организм и сознание с помощью новых и пока малодоступных технологий, другим предоставляется *возможность поработать на первых рубежах в условиях цифровой экономики*, в рамках которой существует запрос на «служебных людей», обладающих профессиональными навыками и компетенциями, необходимыми для функционирования экономики в условиях «цифры».

Список востребованных профессий (как и список ставших ненужными профессий) неоднократно озвучен и вполне адекватен декларируемым целям и задачам государства на новом, постиндустриальном (точнее, на трансиндустриальном), витке — например, в «Атласе новых профессий»[1]. В связи с этим обозначены и особенности подготовки требуемых кадров [9, с. 120–121].

Если обобщить весь спектр новых ожидаемых профессий, то, опираясь на прогнозы, изложенные экспертами в области социологии и футурологии С. Б. Переслегиным и Е. Б. Переслегиной, в частности в книге «Дикие карты будущего», логично рассмотреть их сквозь призму технопакетирования, лежащего в основе содержания техноукладов. Авторы считают, что в рамках технологического мейнстрима, в перспективе представленного мегапакетом, состоящим из технопакетов «Информационные технологии», «Биотехнологии», «Нанотехнологии» и «Природопользование», профессии, к которым необходимо готовить новые поколения, будут связаны с разными формами инженерии: технической, генной, информационной и геологической (инженерии планеты) [15, с. 289–291].

Однако С. Б. Переслегин отмечает и очень важный нюанс, связанный с заявлениями руководства России и ведущих экономистов о переходе к «цифровой экономике» (где и требуются новые кадры с соответствующими компетенциями). Кратко суть: цифровая экономика — это обслуживающая экономика для стран, которые заявили себя лидерами в VI технологическом укладе (и планируют оставаться ими в VII техноукладе).

Отсюда следует, что задача-минимум для тех стран, которые претендуют на первое-второе места, — «исключить Россию из числа архитекторов, но не участников VI технологического уклада, поставить ее в зависимую позицию» [13, с. 33]. Поэтому и списки новых профессий составляются из логики требуемых задач для тех, кто на «третьем месте», кто будет обеспечивать «цифрой» «первый мир», с его управлением пространством посттехнологий (то есть знаниями, умениями и практиками, относящимися к следующей фазе развития), и «второй мир», трансформирующий виртуальные продукты в реальность и наоборот.

Конечно, Россия не была бы Россией, если бы у нее отсутствовали «домашние заготовки» и прочие сюрпризы, которые предполагают подготовку ей собственного места в грядущем VI техноукладе. Здесь можно сказать о фотонике, атомном двигателе для космического «челнока», об ускорителях ЦЕРНа, но прежде всего следует отметить Brainet (он же NeuroNet, NeuroWeb, Web 4.0) — «мозговую сеть», «живой суперкомпьютер», являющийся базовым технологическим элементом в альтернативном «цифровому миру» сценарии [7, с. 131], и психоинжиниринг — систему технологий управления моделями поведения, предмет исследований экспертов А. А. Денисова и Е. В. Денисовой, основателей Московского проекта «Нетократия»[2]. И здесь во главу угла ставится принципиально особый тип управленца как носителя новых универсальных профессиональных качеств.

[1] http://atlas100.ru/

[2] http://netocracy.us/

С. Б. Переслегин не случайно отмечает, что «инсталляция VI уклада будет сопровождаться переходом к новому формату администрирования — рефлексивному управлению» [13, с. 30]. А. А. Денисов, в свою очередь, добавляет, что это рефлексивное управление, в отличие от управления реактивного, является «управлением осознанием выбора на основе манипулирования способностью к межличностному информационному обмену» — и это на первом уровне (что можно проследить в реалиях V техноуклада, индустриальной фазы общества), а на втором (в VI техноукладе) — это уже управление осознанием выбора на основе манипулирования способностью к безынформационному межличностному обмену с опорой на концепцию не единственности, но множественности слоев индивидуального сознания [5, с. 37].

Напомним, рефлексивное управление, согласно концепции психолога и математика В. А. Лефевра, это «процесс передачи оснований для принятия решения одним из персонажей другому» [11, с. 27], технология принятия манипулятивных решений [12, с. 19; 48], которая состоит в использовании субъектом рефлексивной способности того, кем он хочет управлять, во влиянии на принимаемые другим субъектом решения через навязывание ему таких исходных посылок, на основании которых он действует желаемым для первого субъекта образом [4, т. 2, с. 296]. С выявлением нового вида управления возникает и потребность в носителях новых качеств, являющихся предметом изучения такой дисциплины, как психоинжиниринг.

Психоинжиниринг как система конструирования абстрактных сознаний основывается на концепции многослойности сознания человека [6, с. 40]. Это требует от специалиста-управленца в реалиях VI техноуклада (постиндустриального общества) особых квалификационных качеств.

Одним из существенных требований подготовки такого специалиста, по экспертному мнению А. А. Денисова и Е. В. Денисовой, становится не столько передача совокупности интеллектуальных методик и приобщение к типовым моделям поведения, что является основой современной университетской системы образования, а целенаправленное формирование определенных психических свойств, в процессе которого происходит накопление человеком определенных навыков и способности к быстрому поиску, созданию новых или использованию уже известных знаний, что требует от участника «достижения максимальной широты непатологических психических свойств личности» [8, с. 70]. По сути, речь идет о возможности и способности к системному управлению единым психологическим комплексом, состоящим из людей, электронных интеллектуальных систем и живых экосистем.

Ключевым образовательным признаком специалиста-нетократа является интеграция пяти научно-технологических знаний: 1) системное проектирование производств и человеческих организаций; 2) управление поведением выбора; 3) управление стоимостью; 4) разведка — деловая и оперативная; 5) безопасность, включая контрразведку, экономическую безопасность и т. п. [5, с. 53]. Управленческие способности при этом становятся не итогом учебной дисциплины «Менеджмент», но «сквозным» атрибутом такого профессионала.

Исходя из исследованных экспертами характеристик и требований, которые предъявляются к профессионалу VI техноуклада, напрашиваются следующие выводы.

Вывод 1. При подготовке новых кадров требуется не дифференциальность, но интегральность. Ибо первые нужны цифровой экономике, задачи которой исчерпываются настоящим моментом, тогда как «интегральные кадры» могут и должны обеспечить России возможность войти в VI и VII техноуклады на правах как минимум равных с «партнерами».

Вывод 2. Специалист-нетократ представляет собой вполне конкурентоспособного оппонента «транс-, пост-, сверхчеловеку», предлагаемому и насаждаемому (в том числе и через массовую культуру) апологетами сингулярности и трансгуманизма. А это предполагает принципиально другие требования, предъявляемые к образованию и качествам человека.

Вывод 3. Исходя из прогнозов экспертов, желательная для VI техноуклада подготовка специалистов кардинальным образом отличается от мейнстрима образовательной политики, направленной на дробление наук и дисциплин, подготовку узкоспециализированных кадров, дифференциацию профессиональной сферы и профессиональной ответственности. Тогда как фазовый переход — от одного техноуклада к другому — требует не только «узких» новых профессионалов, но в большей степени — носителей цельного, холистского знания и принципиально новых базовых компетенций, качеств, которые может дать не цифровизация образования «для всех, кроме элит», но системное высококлассное образование для всех, «*нео*всеобуч» на новом витке истории.

Вывод 4. При реализации сценария «будущее для всех», а не только для избранных, будь то «элитарные» персоны и группы, «постчеловеки» (с их «прошитой» идеей упрощения), последовательно снимается и вопрос о низкой экзистенциальной исполненности Человека труда, то есть человека, вовлеченного в работу не ради выживания или приза «лучшему гребцу на галере», но человека витально и профессионально здорового, того Homo faber, который, в соответствии с латинским изречением «Faber est suae quisque fortunae» проявляется как «творец своей судьбы».

Литература

1. Арпентьева М. Р. «Человек служебный» и «Человек этический» как цели образования XXI века // Психология и педагогика будущего: молодежный форсайт. Молодежь и психология: идеи и проекты: монография. — Сер. «Актуальные проблемы практической психологии». — Торонто: Изд.-лит. агентство «Альтасфера», 2018. — Вып. 5. — 504 с.

2. Гагарин А. С., Новопашин С. А. Экзистенциальные аспекты концепции постчеловека // Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования. — 2020. — № 2(27). — С. 9–14. [Электронный ресурс]. URL: http://omsk.edu/volume/2020-2-27/vestnik_2(27)2020_9-14.pdf (дата обращения: 04.09.2020).

3. Гесиод. Теогония // Эллинские поэты VIII–III вв. до н. э. Эпос. Элегия. Ямбы. Мелика / Отв. ред. М. Л. Гаспаров. — М.: Ладомир, 1999. — 515 с.

4. Глушков В. М., Амосов Н. М., Артеменко И. А. Энциклопедия кибернетики: в 2 т. — Киев: Главная редакция Украинской советской энциклопедии, 1974. — 624 с.

5. Денисов А. А. Нетократия как стратегический субъект 21 века // Проблема субъектов российского развития: материалы Междунар. форума «Проекты будущего: междисциплинарный подход», Звенигород 16–19 окт. 2006 г. / Под ред. В. Е. Лепского. — М.: Когито-Центр, 2006. — С. 48–57.

6. Денисов А. А. Нетократия и рефлексия: засекречивание в постиндустриальном обществе // Рефлексивные процессы и управление. — 2007. — Т. 7. — № 1. — С. 33–50.

7. Денисов А. А., Денисова Е. В. О новом образе будущего // Экономические стратегии. — 2016. — № 1. — С. 118–133.

8. Денисов А. А., Денисова Е. В. Постиндустриализм: проблемы и задачи новой кадровой политики // Экономические стратегии. — 2009. — № 3. — С. 64–71.

9. Егоров Н. Е., Ковров Г. С. Особенности подготовки кадров в условиях перехода на новый технологический уклад // Человек и образование. — 2018. — № 2(55). — С. 117–122.

10. Кривцова С. В., Лэнгле А., Орглер К. Шкала экзистенции (Existenzskala) // Экзистенциальный анализ: бюллетень. — М., 2009. — № 1. — С. 141–170.

11. Лефевр В. А. Конфликтующие структуры. — М.: Советское радио, 1973. — 158 с.

12. Лефевр В. А. Рефлексия. — М.: Когито-Центр, 2003. — 496 с.

13. Переслегин С. Б. VI технологический уклад: пространство возможностей // Экономические стратегии. — 2019. — № 3. — С. 24–33.

14. Переслегин С. Б. [Видеозапись лекции] // YouTube.11 сентября. URL: https://www.youtube.com/watch?v=r7TIdtu_XI8 (дата обращения: 2015, 11 сентября.).

15. Переслегин С. Б., Переслегина Е. Б. «Дикие карты» будущего. Форс-мажор для человечеств. Сер. «Каким будет мир». — М.: Алгоритм, 2015. — 480 с.

16. Правдина Л. Р., Васильева О. С., Гаус Э. В. Экзистенциальная исполненность как фактор профессионального здоровья // Инженерный вестник Дона. — 2015. — № 3. [Электронный ресурс]. URL: http://ivdon.ru/ru/magazine/archive/n3y2015/3275 (дата обращения: 29.10.2020).

17. More M. The Overhuman in the Transhuman // Journal of Evolution and Technology. — 2010. — № 1(21). Pp. 1–4. [Электронный ресурс]. URL: https://jetpress.org/v21/more.htm (дата обращения: 25.10.2020).